

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

**ВЪ ЧЕМЪ ОЧАРОВАНИЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА?**

Рѣчь, сказанная въ Москвѣ 22-го октября 1911 г.
на празднованіи столѣтняго юбилея Общества
Любителей Россійской Словесности.

СПБ. 1912.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Труды проф. С. А. Венгерова.

Собрание сочинений. Т. I. Героический характер рус. литературы. Ц. 1 р.

” ” Т. III. Константинъ Алсаковъ. Ц. 1 р. 25 к.

” ” Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Ц. 1 р. 50 к.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-биографическій этюдъ. СПб. 1875—77. Ц. 2 р. (*Распродано*).

Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій. Критико-биографическій этюдъ. СПб. 1884. Ц. 1 р. (*Распродано*).

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учреждений Англии. Пер. съ нѣм. подъ ред. С. А. Венгерова. М. 1885. Ц. 4 р. 50 к.

Русская Поэзія. Собрание произведеній русскихъ поэтовъ, съ критико-биографическими статьями, библиографич. примѣч. и портретами. Т. I (вып. 1—6). XVIII вѣкъ. СПб. 1897. Съ 23 портр. Ц. 8 р. Вып. VII. ц. 1 р.

Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. СПб. 1896—1898. Вышло 3 тома (А—Вавиловъ). Ц. кажд. тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Основные черты исторіи новѣйшей русской литературы. Изд. 2-е. Съ приб. этюда: „Побѣдители или побѣжденные?“. Ц. 40 к. (*Распродано*).

Источники словаря русскихъ писателей т. I. (Ааронъ—Гоголь). Собралъ С. А. Венгеровъ. СПб. 1900. (*Распроданъ*). Изд. Императорской Академіи Наукъ. Ц. 2 р. 50 к., т. II (*Голоцкая-Карамзинъ*). Спб. 1910. Ц. 4 р.

Собрание сочиненій Шиллера въ перев. рус. писат. Подъ ред. С. А. Венгерова. Роскошное изданіе, 4 т. Ц. т. 6 р. 50 к., въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Шекспира въ перев. рус. писат. Подъ ред. С. А. Венгерова. Роскошное изданіе, 5 томовъ. Ц. т. 6 р. 50 к. въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Байрона въ перев. рус. писат. Подъ ред. С. А. Венгерова. Роскошное изданіе, 3 тома. Ц. т. 6 р. 50 к. въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Пушкина. Подъ ред. С. А. Венгерова. Роскошное изд. Вышло 5 т. Ц. тома 6 р. 50 к., въ переплетѣ 8 р.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ ред. С. А. Венгерова. СПб. 1903 г. Ц. 2 р.

Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. 6 томовъ. (СПб. 1886—1904). Ц. I т. 5 р. 25 к., (*Отдѣльно не продается*) II т. 2 р. 25 к., остальные по 2 р. 50.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Вышло 9 томовъ. Ц. тома 1 р. 75 к.

Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Публичная лекція (Библиотека „Свѣточа“, № 3). СПб. 1905. Ц. 20 к.

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. Библиотека „Свѣточа“, № 2). СПб. 1905. Ц. 10 к.

Очерки по исторіи русской литературы. 2-е изданіе безъ перемѣнъ. СПб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

С. Д. ВЕНГЕРОВЪ.

Александръ Андреевичъ

Любимуха - Леонова

**ВЪ ЧЕМЪ ОЧАРОВАНИЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА?**

съ широкимъ

*введеніемъ -
исключеніемъ*

авторъ

Рѣчь, сказанная въ Москвѣ 22-го октября 1911 г.
на празднованіи столѣтняго юбилея Общества
Любителей Россійской Словесности.

СПБ. 1912.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“

Н. Н. МИХАЙЛОВА.

121555

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „ЭНЕРГИЯ“, Загородный пр., д. № 17.

Есть вопросы, къ которымъ неизбѣжно и постоянно возвращается литературная мысль. Съ большею или меньшею интенсивностью, но возвращается.

Къ числу ихъ принадлежитъ вопросъ о томъ, что такое собственно литература? Въ чемъ ея содержаніе, въ какомъ направленіи она шла, въ какомъ должна (!) идти?

Вполнѣ понятенъ этотъ интересъ. Самоопредѣленіе—всегда одна изъ самыхъ жгучихъ задачъ для всего не огаменѣвшаго, для всего, въ чемъ бьется жизнь.

Въ русской литературѣ уже лѣтъ 80, какъ идутъ разговоры о назначеніи и объемѣ литературы. Жгуче переживали эти вопросы Пушкинъ, Бѣлинскій; небывалаго напряженія достигли они въ эпоху 60-хъ годовъ, въ эпоху „разрушенія эстетики“. И, то замирая, то вновь вспыхивая, шли разговоры о назначеніи искусства и литературы и въ 70-хъ, и въ 80-хъ, и въ 90-хъ годахъ.

Сейчасъ мы тоже переживаемъ періодъ весьма пристальнаго вниманія къ тому же основному вопросу: чѣмъ быть литературѣ? Но особенность настоящаго момента въ томъ, что переживаетъ эти муки самоопредѣленія не столько боевая критика, сколько несравненно менѣе волнованшійся раньше станъ историковъ литературы.

Еще очень недавно, лѣтъ 15 тому назадъ, у насъ прочно установился тотъ типъ исторіи литературы, который созданъ Гервинусомъ, Гетгеромъ,

Тѣномъ. Задачи исторіи литературы казались весьма ясными и опредѣленными. Литература находится въ тѣснѣйшей связи съ общою духовною жизнью страны; и задача историка литературы вскрыть эту связь. Философія, политика, общественность, такъ или иначе затрагиваютъ всякаго мыслящаго человѣка; художника, хотя талантъ есть нѣчто изъ области подсознательнаго, никакъ изъ разряда мыслящихъ людей не исключишь. Не можетъ онъ, значить, уйти изъ-подъ вліянія того, что вокругъ него кипитъ и бурлитъ, не можетъ такъ или иначе не реагировать. Его можно поэтому понять только какъ часть всего умственного броженія его эпохи.

Wer den Dichter will verstehen,

Muss in Dichters Lande gehen,

сказалъ уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ нѣмецкій поэтъ.

Но теперь этотъ старый типъ исторіи литературы переживаетъ несомнѣнный кризисъ. Происходитъ переоцѣнка цѣнностей, выдвинуты новые приемы историко-литературнаго изслѣдованія. Среди изслѣдователей нашей литературы всего менѣе господствуетъ единство метода, и можно отмѣтить рядъ группъ, подходящихъ къ дѣлу изученія нашего литературнаго прошлаго съ совершенно разными приемами. А самое главное, — съ совершенно разными представленіями о томъ, что есть литература.

Суммарнымъ будетъ раздѣленіе современныхъ историковъ литературы на индивидуалистовъ и общественниковъ. Часть индивидуалистовъ просто интересуется только писатель самъ по себѣ, внѣ связи съ окружающею средою, но часть воинственно, на-

мѣренно и сознательно *изгоняетъ* изученіе среды изъ поля зрѣнія изслѣдователя литературныхъ явленій. Ихъ интересуетъ только художественный *субстратъ*. Они убѣждены, что эволюція литературы, какъ таковой, есть только эволюція формы. А есть и такіе, что не только не считаютъ общественность факторомъ, сколько-нибудь содѣйствующимъ пониманію писателя, а относятся къ ней, какъ къ чему-то совершенно постороннему и затемняющему. По ихъ мнѣнію, геній и общество всегда враждебны другъ другу, геній всегда опережаетъ общество и, нарушая кочность его душевнаго покоя, по самой сущности своей, ему противоположенъ. И всѣ вмѣстѣ, индивидуалисты считаютъ введеніе общественности въ исторію литературы даже своего рода фальсификацію.

Таковъ станъ индивидуалистовъ.

Но и тѣ историки литературы, которыхъ, въ противоположность индивидуалистамъ, можно было бы назвать общественниками, тоже далеко не представляютъ собою чего-нибудь одинаго. И они распадаются на двѣ группы, сходящихся только на томъ, что литература и общественность неразрывно переплетены между собою. А затѣмъ начинается то же самое расхожденіе, которое расколело всѣхъ вообще историковъ на два стана: на сторонниковъ экономического матеріализма и на такъ называемыхъ историковъ-идеалистовъ.

Сейчасъ не мѣсто разбираться въ этой контроверзѣ. Но, причисляя себя къ школѣ историковъ-идеалистовъ въ томъ смыслѣ, что считаю живою силою историческаго процесса смѣну именно идей,

я хотѣлъ бы, все-таки, сказать, что историки-идеалисты должны совершенно отвергнуть почетное титуло идеалиста, поскольку къ понятію объ идеализмѣ примѣшивается элементъ беспочвенной мечтательности. Историки-идеалисты могутъ претендовать на титуло историковъ-реалистовъ по той простой причинѣ, что считаютъ идеализмъ даже въ смыслѣ мечтательности безусловно реальнымъ, прирожденнымъ свойствомъ человѣческой природы. Ошибка историковъ-материалистовъ, которые смотрятъ на нравственную сферу человѣчества, какъ на надстройку на экономической базѣ, въ томъ, что они страшно сузили понятіе о реальномъ и идеальномъ. Если очень многое въ исторіи есть функція экономизма, то ровно половина исторіи происходитъ во имя жажды новыхъ ощущеній, во имя жажды религіознаго утѣшенія, уже не говоря о такихъ, правда, низменныхъ, но все же, ни въ какомъ случаѣ не экономическихъ побужденіяхъ, какъ тщесловіе и глупость. Чего не дѣлаютъ люди во имя славолюбія, и развѣ такъ далеки отъ истины тѣ, которые усматриваютъ во всемірной исторіи трагикомедію человѣческой глупости по преимуществу? И развѣ экономическій факторъ — сознательность, съ ростомъ которой народы въ десятилѣтія сбрасываютъ путы, связывавшіе ихъ по рукамъ и ногамъ въ теченіе столѣтій? А самое главное, идеализмъ даже въ смыслѣ мечтательности есть реальнѣйшая категорія человѣческой психологіи и игнорировать его значитъ игнорировать факты.

— Какъ ни далеки по психологическому складу экономическій материализмъ, приложенный къ объяс-

ненію исторіи литературы, и теорія, изгоняющая изъ исторіи литературы общественность, между ними все же есть одна точка соприкосновенія и притомъ существеннѣйшая. Обѣ эти теоріи подходятъ къ своей задачѣ исключительно съ формальной точки зрѣнія, обѣ онѣ совершенно игнорируютъ тотъ элементъ литературнаго воздѣйствія, который современная поэтика обозначаетъ терминомъ Гюо—*суггестрированіе* и которое, когда рѣчь идетъ о русской литературѣ, такъ превосходно передается словомъ *очарованіе* Зараженіе, очарованіе,—какимъ путемъ оно создается, это совершенно безразлично,—очарованіе какъ конечный результатъ,—вотъ, къ чему сводится сущность литературнаго воздѣйствія, и вотъ единственный ключъ къ пониманію русской литературы въ особенности.

И стоитъ намъ только приложить эту мѣрку очарованія къ оцѣнкѣ и характеристикѣ событій нашего недавняго литературнаго прошлаго, чтобы сразу выяснились односторонность и отношенія къ литературѣ, какъ эволюціи формы, и отношенія къ литературѣ, какъ одной изъ формъ классовой борьбы. Можно сказать, что обѣ эти теоріи рѣшаютъ вопросъ безъ хозяина—безъ читателя русскаго, котораго нельзя очаровать ни однимъ совершенствомъ формы, ни, тѣмъ болѣе, классовымъ эгоизмомъ. Думать, что источникъ очарованія, которое уже сто лѣтъ производитъ на читателя русскаго литература русская, лежитъ только въ ея чисто-художественныхъ достоинствахъ, только въ ея чисто-эстетическомъ совершенствѣ,—значитъ не только идти противъ фактовъ, но и подставлять подъ понятіе *литература* не то, съ чѣмъ связано въ представленіи русскаго читателя это понятіе. Въ

самомъ дѣлѣ, буду ли я неправъ, если скажу, что для русскаго читателя литература есть нѣчто такое, отъ чего *бьется сердце и горитъ голова*. Упрекнетъ ли меня кто-нибудь въ преувеличеніи, если я скажу, что для русскаго читателя русская литература всегда была одной изъ тѣхъ *святыхъ*, въ общеніи съ которой онъ становился и чище, и лучше, къ которой относился всегда съ чувствомъ по-истинѣ религиознымъ?

А разъ—святыхъ, значить, нельзя ограничиваться внѣшностью, значить, никоимъ образомъ нельзя сводить сущность воздѣйствія русской литературы на душу русскаго читателя къ очарованію формы. Само собою разумѣется, что форма должна быть превосходной, — иначе она просто технически не дойдетъ до сознанія русскаго читателя, избалованнаго тѣмъ, что онъ уже цѣлое столѣтіе воспитывается на произведеніяхъ первоклассныхъ мастеровъ слова. Но разъ эта стадія пройдена, разъ художественное произведеніе дошло до сознанія русскаго читателя, оно западаетъ въ его душу только тогда, когда оно даетъ ему не только эстетическую эмоцію, но и эмоцію нравственную. Когда оно уноситъ его въ свѣтлую лазурь идеала, когда оно вводитъ его въ тѣ героическія настроенія, изъ которыхъ слагается психологія дѣйствующихъ лицъ русскихъ художественныхъ произведеній. И мнѣ представляется, что основная задача всякой исторіи новой русской литературы къ тому и сводится, чтобы выявить эту нравственную красоту, чтобы показать, какъ въ новой русской литературѣ высоко-гармонично сочетались эстетика съ этикой, художественное совершенство съ нравственной силой.

Но если никакъ нельзя свести очарованіе русской литературы къ очарованію формы, то, конечно, еще менѣе можно его сочетать съ представленіемъ о классовой борьбѣ.

Классовая борьба, т. е. нѣчто эгоистическое, нѣчто старающееся о своемъ благополучіи, какое же она можетъ создать очарованіе? Борьба священна только тогда, когда ее ведутъ во имя освобожденія. Психологически вполне было бы поэтому возможно возникновеніе классовой русской литературы высокаго діаназона, если бы эту литературу создавалъ крѣпостной крестьянинъ, забитый солдатъ, обездоленный городской пролетаріатъ. Но русскую литературу, въ силу своеобразныхъ условій русской культуры, почти исключительно создалъ дворянинъ. И создай онъ ее по-дворянски, изъ нея вышло бы нѣчто столь же мизерное, какъ дворянскія повѣсти Маркевича и другихъ однородныхъ ему великосвѣтскихъ писателей-полемистовъ, которые въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сдѣлали попытку созданія дѣйствительно-классовой литературы. Но въ томъ-то и дѣло, что создавалъ русскую литературу дворянинъ совсѣмъ особенный, по гениальной терминологіи Михайловскаго — „кающійся дворянинъ“. И оттого основная черта русской литературы XIX вѣка — всего менѣе борьба за преобладаніе высшихъ классовъ. Лучшее, что есть въ русской литературѣ, то, чѣмъ она такъ сильна, то, въ чемъ дѣйствительный источникъ ея обаянія и очарованія, — это, напротивъ того, отказъ отъ правъ уже приобрѣтенныхъ, отъ преимуществъ прочно установленныхъ и безспорныхъ. „Кающійся дворянинъ“ и равный ему по со-

ціальному положенію интеллигентъ-разночинець, желающіе искупить передъ народомъ вину вѣковой привилегированности, — вотъ что окрашиваетъ русскую литературу съ первыхъ шаговъ ея сознательнаго существованія, когда она перестала быть однимъ изъ предметовъ придворнаго обихода, и отъ воспѣванія высокаторжественныхъ дней и иллюминацій перешла къ темамъ, ею самой выбраннымъ.

На зарѣ этого перехода къ свободной сознательности дворянинъ Радищевъ получаетъ смертный приговоръ за то, что съ неслыханной рѣзкостью подымаетъ голосъ въ пользу закрѣпощеннаго крестьянства. И бунтъ этого дворянина противъ правъ дворянства не только не возмущилъ классоваго чувства членовъ его сословія, а, напротивъ того, въ самыхъ чуткихъ, т. е. наиболѣе драгоцѣнныхъ для культурнаго преуспѣянія элементахъ, породилъ къ себѣ уваженіе величайшее. Въмѣстѣ со всѣмъ кругомъ дѣятелей декабризма, юноша-Пушкинъ пламенно мечтаетъ о томъ, чтобы пало рабство, т. е. чтобы дворянство лишилось главной своей соціальной опоры. А черезъ двадцать лѣтъ на арену литературы выступитъ новое поколѣніе баричей, которое все, въ полномъ составѣ, дастъ Аннибалову клятву не успокоиться до тѣхъ поръ, пока съ лица земли русской не будетъ вырвано съ корнемъ то, что было такимъ зломъ для другихъ, но такимъ благомъ для нихъ. А когда съ наступленіемъ, послѣ крымскаго разгрома, лучшихъ временъ, придетъ пора практическаго осуществленія исконныхъ его мечтаній, это же самое поколѣніе баричей безъ всякой горечи пропоетъ отходную дворянскимъ гнѣздамъ и, въ лицѣ

Обломова, покажетъ полное банкротство своего словія.

Въ 60-хъ годахъ, въ перемежку съ кающимся дворяниномъ, видное мѣсто и въ обществѣ и въ литературѣ займетъ непривилегированный интеллигентъ—разночинецъ. Но не будетъ онъ имѣть повода и въ малѣйшей степени испытать на себѣ социальное неравенство. Потому что, при бѣдности нашей интеллигентными силами, предъ нимъ широко и гостеприимно раскроются двери личнаго преусиблинїя, подъ условіемъ, конечно, что онъ не примкнетъ къ элементамъ безпокойнымъ. Но проблема совѣсти, проблема подчиненїя личнаго блага благу общему окажется для него столь же жгучей, какъ и для кающагося дворянина, и пойдутъ они оба по одному и тому же пути. И наступитъ въ 70-хъ годахъ пора чисто-религіознаго народолубїя, когда народное благо станетъ божествомъ, для котораго не будетъ жаль никакихъ жертвъ. И такъ будетъ безграниченъ этотъ порывъ самопожертвованїя, что старый постепеновецъ Тургеневъ преклонится предъ нимъ въ нѣмомъ благоговѣнїи.

А въ концѣ вѣка міръ будетъ потрясенъ необычнымъ зрѣлищемъ: одинъ изъ величайшихъ художниковъ всѣхъ временъ и народовъ такъ глубоко задумается надъ вопросомъ о социальной справедливости, что откажется отъ своего высокаго искусства, объявитъ войну всѣмъ былымъ вѣрованїямъ и провозгласитъ полный разрывъ съ старымъ укладомъ жизни.

И назовутъ его, тѣмъ не менѣе, великою совѣстью вѣка, потому что всѣ тревоги ищущаго правды

духа, всё исканіа нравственнаго совершенства, найдуть въ немъ наиболѣе лучезарное выраженіе свое.

Такъ замыкается кругъ кающагося дворянства отъ Радищева до Толстого, все время волнуясь вопросами общественности и держа въ лихорадочномъ возбужденіи очарованнаго этою интенсивностью душевной работы русскаго читателя.

На этой благодатной почвѣ самоотреченія пышно расцвѣла лучшая часть русской литературы XIX вѣка, отмѣченная тѣмъ, что въ ней совершенно изгнанъ идеаль личнаго счастья. Личное счастье въ пониманіи русской литературы или преступно, если оно создается за счетъ другихъ, или въ лучшемъ случаѣ пошло. Фактъ поразительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, глубоко-умилительный, глубоко-знаменательный для установленія героическаго характера русской литературы XIX вѣка: ни въ одномъ русскомъ романѣ, ни въ одной русской повѣсти, вышедшей изъ-подъ пера настоящаго корифея, нѣтъ такъ называемой счастливой развязки, которой не чуждаются въ европейской литературѣ и первоклассные писатели. Мало ли ихъ, напр., у Диккенса? Европейская литература, начиная съ великаго идеалиста Шиллера въ „Пѣснѣ о колоколѣ“, въ мажорномъ тонѣ всегда рисуетъ человѣка, который, что называется, составляетъ себѣ „положеніе въ свѣтѣ“, она окружаетъ уваженіемъ человѣка, „пробившаго себѣ дорогу въ жизни“. А въ русской литературѣ обязательность, въ той или другой формѣ, подвижничества для каждаго, кто претендуетъ на то, чтобы его не сопричислили къ пошлякамъ, такъ всеобща, что стремленіе къ устроенію личнаго

счастья и благополучія сложилось въ душѣ тоскующаго по высокому подвигу Гоголя только въ образѣ Чичикова. Только Чичиковы у насъ серьезно заняты устроениемъ личнаго благополучія, а когда Гончаровъ въ лицѣ Штольца попытался создать изъ пріобрѣтателя типъ положительный, окруженный авторскою любовью, онъ потерпѣлъ позорнѣйшее фіаско.

Мѣщанскаго благополучія не пріемлетъ геній русской литературы ни въ какомъ видѣ. Даже тѣ герои русской литературы XIX вѣка, которыхъ творцы ихъ снабдили достаточною долей себялюбія. Я говорю о томъ длинномъ рядѣ полуположительныхъ, полуотрицательныхъ типовъ, которыхъ Достоевскій такъ проникновенно называлъ скитальцами. Начиная съ Кавказскаго плѣнника, Алеко и Евгенія Онѣгина, продолжая Печоринымъ, Бельтовымъ, тургеневскими лишними людьми и кончая чеховскими нытиками и Ивановыми, русскій скиталецъ не можетъ найти себѣ мѣста въ жизни. Это только полугерои, авторы не закрываютъ глазъ на ту значительную долю эгоизма, которая въ нихъ сидитъ. Некрасовъ къ скитальцамъ отнесся даже совсѣмъ сурово, охарактеризовавъ ихъ какъ людей, которые

...по свѣту рыщутъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ тяжкихъ трудовъ.

Однако, мечутся, ищутъ дѣла непременно исполинскаго, хотя, казалось бы, „наслѣдье богатыхъ отцовъ“ давало возможность жить такъ мирно и уютно. Но такъ уже все пронизала героическая за-

кваска, что отъ нея не уходятъ не только настоя-
щіе герои, но и полу-герои.

Психологія отказа, добровольнаго аскетизма, не-
пріятія міра мѣщанскаго, высоко ставить человѣка
въ собственномъ сознаніи и даетъ душевное удовле-
твореніе. Но, естественно, что она не можетъ соз-
дать радостныхъ настроеній. Отсюда другой источ-
никъ очарованія русской литературы XIX вѣка, то,
что я называю Великой Печалью ея. Мнѣ предста-
вляется, что эта Великая Печаль, разлитая по всей
новой русской литературѣ, находится въ тѣсной,
органической связи со всѣмъ русскимъ національ-
нымъ характеромъ. Грустенъ русскій пейзажъ, по
которому, однако, такъ тосковалъ Некрасовъ среди
роскошной природы юга. Грустна русская пѣсня,
„подобная стону“, по опредѣленію того же Некра-
сова. Но въ этой грусти есть красота несказанная.
Во времена русскаго увлеченія шеллингианствомъ,
Бѣлинскій усвоилъ себѣ одно изъ его положеній въ
такомъ видѣ: Абсолютный Духъ, все въ себѣ заклю-
чающій и изъ себя творящій міръ, возложилъ на
отдѣльные народы развитіе тѣхъ или другихъ сто-
ронъ міровой сущности. Не будемте говорить этимъ
фантастическимъ языкомъ и не будемте брать на
себя смѣлую задачу истолкованія намѣреній Абсо-
лютнаго Духа. Но несомнѣнно, что въ совмѣстной
работѣ человѣчества каждому народу, въ силу усло-
вій исторической жизни его, пришлось развить ту
или другую сторону многообразнаго понятія объ
истинѣ и красотѣ. Русскому духу, болѣе чѣмъ ка-
кому-нибудь другому изъ творческихъ духовъ евро-
пейскихъ народовъ, пришлось создать типъ красоты

грустной. Если бы художнику пришлось конкретно выразить образ русской красоты, въ частности, образ литературной красоты, ему бы ни на одну минуту не пришло на умъ нарисовать цвѣтущую красавицу, блестящую и улыбающуюся. Смѣхъ беззаботный и веселый совершенно чуждъ русской литературѣ. Она знаетъ только смѣхъ горькій. Русскій литературный геній можно конкретно представить только со строгими чертами лица, съ глазами, лихорадочно устремленными въ мистическую даль.

Но ни въ коемъ случаѣ Великую Печаль, великую тоску русской литературы не слѣдуетъ смѣшивать съ уныніемъ. Уныніе—начало мертвящее, а русская печаль—начало творческое. Какъ мнѣ уже пришлось замѣтить въ другомъ мѣстѣ, Великую Печаль русской литературы лучше всего назвать прекраснымъ стариннымъ словомъ *печалованіе*, которое заключаетъ въ себѣ представленіе о дѣятельной любви и дѣйственной заботѣ. И, конечно, о любви, говоря словомъ великаго челоуѣколюбца Достоевскаго, къ униженнымъ и оскорбленнымъ.

Мы стоимъ теперь на рубежѣ неизвѣстнаго литературнаго будущаго. Ушелъ послѣдній великій представитель русскаго литературнаго слова и, Богъ знаетъ, выпадетъ ли еще на долю русской литературы снова приковать вниманіе міра къ себѣ. Природа очень скупа и, давши всемірной литературѣ такихъ геніевъ, какъ Толстой и Достоевскій, мы можемъ быть осуждены на цѣлые вѣка мелкаго литературнаго прозябанія. Прошло вѣдь 150 лѣтъ, и въ Германіи не народился никто, равный Гете. Въ Англіи скоро будетъ праздноваться 300-лѣтняя годовщина

Возврати
дому — не
свѣтлое слово
Толстой
и Достоевский
нужны.

смерти Шекспира, и не народился ему никто на смѣну.

Но сегодня у насъ праздникъ, такъ сказать, ретроспективный. Мы радуемся богатствамъ, уже приобрѣтеннымъ, любуемся блескомъ сокровищъ, уже накопленныхъ.

Въ извѣстной части общества сейчасъ идетъ движеніе, называющее себя націоналистическимъ. Оно направлено исключительно въ сторону развитія силы устрашающей и потому встрѣчаетъ противо-дѣйствіе въ сферахъ, гдѣ хотѣли бы, чтобы Россіи не только боялись, но, чтобы ее и любили. Есть, однако, область, гдѣ всѣ слои русскаго общества могутъ соединиться въ одномъ общемъ національномъ чувствѣ. Это въ чувствѣ глубокаго національнаго удовлетворенія тѣмъ фактомъ, что въ теченіе какихъ-нибудь ста лѣтъ мы создали такую перво-степенную литературу. Сто лѣтъ тому назадъ, почти въ самый годъ основанія Общества Любителей Россійской Словесности, въ Москву приѣзжала m-me de Stael и, ознакомившись съ московскими писательскими кружками, пришла къ тому заключенію, что „quelques gentilhommes russes s'occupent de la litterature“,—это и была литература того времени.

А теперь мы выросли въ мировую литературную державу, и никто нашего ранга въ ней не оспариваетъ. И тутъ мы можемъ быть патриотами, и даже шовинистами. Съ однимъ и тѣмъ же благоговѣніемъ мы всѣ одинаково можемъ преклониться предъ великою литературою нашею, всегда уносящею въ горныя высоты духа, въ міръ несравненной красоты и художественной, и нравственной.

121555

Исторія и теорія русской литературы.

ВЕНГЕРОВЪ, С. А. проф. Собрание сочинений.	
Т. I. Героическій характеръ русской литературы	1 —
ВЕНГЕРОВЪ, С. А. Т. III. Константинъ Аксаковъ	
Передовой боецъ славянофильства	1 50
ВЕНГЕРОВЪ, С. А. Т. V. Дружининъ, Гончаровъ,	
Писемскій	1 50
ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н. проф. Собрание сочинений.	
Т. I. Гоголь	1 —
Т. II. Тургеневъ	1 25
Т. III. Толстой	1 50
Т. IV. Пушкинъ	1 —
Т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій и Горькій	1 25
Т. VI. Психологія мысли и чувства. Художественное творчество.	1 25
Т. VII. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I.	1 50
Т. VIII. " " " Ч. II.	1 50
Т. IX. " " " Ч. III.	1 50
КОТЛЯРЕВСКІЙ, Н. А. проф. Литературныя направленія Александровской эпохи . . .	1 25
КОТЛЯРЕВСКІЙ, Н. А. проф. Рылѣевъ. Съ портретами и рисунками	1 25
МОРОЗОВЪ, М. Очерки новѣйшей литературы. Статьи о Л. Андреевѣ, С. Ценскомъ, Б. Зайцевѣ, М. Горькомъ, Львѣ Толстомъ и др.	1 25
ВЪТРИНСКІЙ, Ч. Герценъ. Съ 20 иллюстр. биографіей и библиографіей	3 —
АРСЕНЬЕВЪ, К. К. акад. Салтыковъ-Щедринъ. .	1 50
ГОРНФЕЛЬДЪ, А. Муки слова	— 20
МИЛЬТОНЪ, Рѣчь о свободѣ печати	— 20

Всѣ книги издат-ва „ПРОМЕТЕЙ“ высылаются наложен. платежомъ. Выписывающимъ по этому каталогу на ТРИ руб. и болѣе пересылка **БЕЗПЛАТНО.**

1967 г.

94 ⁹/₅₄

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОМЕТЕЙ“

СПБ., Поварской, 10.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

Леонидъ Андреевъ. Океанъ	1 25
Брусянинъ, В. Молодежь. Романъ	1 25
Амфитеатровъ, А. Марья Лусьева за-границей	1 25
Арабажинъ, К. Этюды о русскихъ писателяхъ	1 25
Бороздинъ, А. проф. Русская литература въ XIX вѣкѣ —	90
Вѣтринскій, Ч. Общедоступные очерки о жизни и дѣ-	
ятельности русскихъ писателей № I. В. Г. Вѣлинскій	— 20
№ II. Н. А. Некрасовъ	— 20
№ III. Н. В. Гоголь	— 20
№ IV. И. С. Тургеневъ	— 20

Ивановъ-Разумникъ.

Т. I. Литература и общественность	1 25
Т. II. Творчество и критика	1 25
Т. III. Великія исканія	1 25

Карѣвъ, Н. И. проф. Собраніе сочин. Т. I. Исторія
съ философской точки зрѣнія 1 25

Мишеевъ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы.

Ч. I. Греція и Римъ	1 —
Ч. II. Средніе Вѣка и Эпоха Возрожденія	1 25
Ч. III. Литература западно-европейскихъ народовъ Новаго Времени (печатается).	

Овсяннико-Куликовскій, Д. проф. Учебникъ русской
грамматики. Мин. Нар. Пр. допущено въ качествѣ
учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній — 40

**КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ
НАЛОЖЕН. ПЛАТЕЖОМЪ.**

Цѣна 15 к.